

Санитарно-гигиенические условия повседневности воспитанников закрытых мужских учебных заведений Оренбурга второй половины XIX в. (гигиена тела, питание, физическая активность)

Е. В. Бурлуцкая

В статье предпринят сравнительный анализ решения вопросов гигиены в различных закрытых мужских учебных заведениях Оренбурга второй половины XIX в. Проанализированы санитарно-гигиенические условия повседневности обучающихся школы для киргиз-кайсацких детей, пансиона Оренбургской мужской гимназии и Неплюевского кадетского корпуса. Для сравнения были взяты такие аспекты санитарно-гигиенического состояния образовательных учреждений, как обеспечение личной гигиены воспитанников, их питание и физическая активность. Источниками послужили опубликованные материалы личного происхождения – записки, мемуары, а также воспоминания, положенные в основу художественного литературного произведения. Анализ имеющихся источников позволил прийти к выводу о том, что санитарно-гигиенические условия в закрытых мужских учебных заведениях Оренбурга были обусловлены в первую очередь нормативно-правовой базой и масштабами финансирования этих учебных заведений. Кроме того, значительное влияние оказывал такой фактор, как господствующие общественные представления о гигиене. Сложившиеся санитарно-гигиенические условия жизни воспитанников были вполне приемлемыми для Оренбурга второй половины XIX в. Но, по мнению самих юношей, эти условия не всегда соответствовали их потребностям и запросам. Основными причинами такого восприятия могли служить коллективный быт учащихся без должного контроля со стороны взрослых или «спартанский» характер повседневности в военном учебном заведении.

Ключевые слова: детская повседневность, школьная гигиена, повседневная гигиена, закрытые мужские учебные заведения, Оренбург, вторая половина XIX в.

Для цитирования: Бурлуцкая Е. В. Санитарно-гигиенические условия повседневности воспитанников закрытых мужских учебных заведений Оренбурга второй половины XIX в. (гигиена тела, питание, физическая активность) // История повседневности. – 2025. – № 4. – С. 192–213. DOI: 10.35231/25422375_2025_4_192. EDN: THBVBN

Введение

Во второй половине XIX столетия в связи с развитием разнообразных технологий, распространением медицинских знаний, а также благодаря работам педагогов и физиологов, вопросы, связанные с гигиеной повседневной жизни (в том числе с детской гигиеной) оказались в центре внимания общественности. Обсуждению подвергались такие проблемы, как локальная скученность населения, нормы потребления воды, организация отвода нечистот, комфорт жилого пространства, качество потребляемых продуктов питания и т. д. Как отмечает в одной из своих публикаций В. А. Верременко, усиленное «внимание к “телесности” ... было вызвано целым рядом самых разных причин социального, политического, экономического и культурного характера. Из наиболее важных можно выделить следующие: обусловленная ростом городов важность противоэпидемической деятельности, значительную роль в которой составляли санитарно-гигиенические мероприятия; ... медиализация различных сторон повседневной жизни; деятельность всевозможных образовательных учреждений, общественных организаций, средств массовой информации, наконец, отдельных врачей, гигиенистов, учителей, спортсменов и даже просто домашних хозяек, направленная на пропаганду ухода за телом...» [1, с. 19].

Закрытые учебные заведения в этом отношении должны были стать своеобразными флагманами правильно организованной санитарно-гигиенической системы, в которой питание, физическая активность и обеспечение гигиены тела воспитанников основывались бы на самых последних рекомендациях специалистов. Как отмечалось в одной из работ конца XIX в., «интернат дает детям условия жизни, которые может предоставить только зажиточная и разумная семья: необходимые приспособления для физического воспитания, правильное распределение времени, работы и отдыха, хорошее влияние совместной жизни при одинаковых для всех детей условиях» [2, с. 44].

Тема здоровьесбережения учащихся в последние два десятилетия неоднократно поднималась исследователями различных российских регионов. К этой проблеме обращались как историки [3–6], так и педагоги [7]. В публикациях речь шла о медицинском надзоре за детьми и подростками, о качестве питьевой

воды и воздуха в учебных и жилых помещениях, о способах отопления и освещения школьных зданий, о школьной мебели, об устройстве прачечных, умывален и уборных, о питании и физической активности ребят и т. д.

Эти проблемы неоднократно подвергались анализу в исследованиях В. А. Веременко (Санкт-Петербург) и В. В. Пономаревой (Москва). В ряде их публикаций затрагивались вопросы организации жизни детей и подростков в закрытых учебных заведениях [8–13]. В 2023 г. научным коллективом под руководством В. А. Веременко был опубликован интереснейший сборник документов и материалов по гигиене детства в целом [14].

Применительно к санитарно-гигиенической обстановке в оренбургских учебных заведениях были опубликованы работы, касающиеся физического воспитания оренбургских детей [15], организации для обучающихся прогулок и экскурсий [16], а также борьбы с детскими эпидемическими заболеваниями [17]. Системного исследования, освещающего опыт различных механизмов здоровьесбережения учащихся закрытых учебных заведений Оренбурга, до настоящего момента не предпринималось.

Данная статья основывается на историко-антропологическом подходе, исследующем повседневность социальных практик второй половины XIX – начала XX в. Источниками для работы послужили опубликованные материалы личного происхождения (мемуары, записки), а также воспоминания, облаченные в форму литературного произведения. Основной целью исследования является сравнительный анализ санитарно-гигиенических условий жизни воспитанников оренбургских закрытых учебных заведений для мальчиков.

Результаты

В конце XIX в. в Оренбурге насчитывалось 32 правительственных и городских учебных заведения [18, с. 96]. Для сравнительного анализа санитарно-гигиенической обстановки были взяты такие закрытые мужские учебные заведения, как школа для киргиз-кайсацких детей, пансион Оренбургской мужской гимназии и Неплюевский кадетский корпус.

Школа для киргиз-кайсацких (казахских) детей была открыта в августе 1850 г. на основании «Положения о школе для киргиз-

ских детей при Оренбургской пограничной комиссии»¹. Она находилась в подчинении Азиатского департамента Министерства иностранных дел и в ведении Оренбургской пограничной комиссии. Целью создания школы было распространение среди киргиз-кайсаков русского языка и подготовка делопроизводителей, писарей и переводчиков, служащих при «султанах-правителях». В школу принимали до 30 мальчиков-инородцев 8–12 лет. Срок обучения составлял семь лет.

Все воспитанники, обучавшиеся за казенный счет, жили на полном государственном обеспечении. Плата за обучение «своекоштных» слушателей составляла 65 р. в год серебром и вносилась родителями вперед за каждые полгода. С каждого воспитанника при поступлении в школу единовременно взималось по 10 р. серебром «на первоначальное обзаведение».

Для нужд школы был выделен один из двух каменных домов, принадлежавших канцелярии Оренбургской пограничной комиссии, на улице Николаевской (совр. ул. Советская, 7). Здание было специально перестроено и отремонтировано, так что ученики оказывались практически в абсолютно новых помещениях со свежим ремонтом. Во дворе располагались два флигеля – для больницы и надзирателя, а также кухня и баня [19, с. 38].

Свои впечатления об этом учебном заведении оставил оренбургский художник А. Ф. Чернышев, которому удалось побывать на открытии школы. Его записки, опубликованные в 1853 г. в журнале «Русский художественный листок» [20; 21], содержали подробное описание школы, самих учеников, условий их проживания и питания.

Руководство школы не считалось с казенными тратами на ее обустройство. Образ жизни воспитанников должен был мотивировать «азиатцев» к тому, чтобы отдавать своих детей в обучение. Именно поэтому для обучающихся были созданы максимально комфортные и на тот момент современные условия жизни.

Поскольку воспитанники не только обучались в школе различным наукам, но и постоянно проживали в ней в течение всего учебного года, руководство школы много внимания уделяло санитарно-гигиеническому обеспечению жизни пансионеров. В умывальной комнате был устроен «огромный, по крайней

¹ Положение об управлении оренбургскими киргизами. СПб.: В типографии Journal de Saint-Petersbourg, 1844. 37 с.

мере, в сажень вышиной, умывальник красной меди. Форма его очень оригинальна, и он приходится как раз насупротив дверей дортуара, что весьма красиво». Согласно представлениям жителей Степи, «верх совершенства подобного рода изделий заключается в вычурной их оригинальности и громадном количестве металла, употребленного на самое изделие» [20, с. 1]. Соответственно, как сами учащиеся, так и посещающие их время от времени родственники должны были сразу осознать, в каком престижном учебном заведении они находятся.

Еженедельно по четвергам воспитанников водили в баню [21, с. 4]. Такая частота привычной и ежедневной для нас гигиенической процедуры в середине XIX столетия была вполне достаточной, а кому-то даже могла показаться избыточной. Во многих учебных заведениях банные дни устраивались всего два раза в месяц, а в большинстве оренбургских семей поход в баню по финансовым соображениям или в силу привычки вообще осуществлялся не чаще, чем раз в месяц.

Спальня воспитанников была оформлена с максимальным тщанием. Железные кровати – «красивые и прочные», выкрашенные «черной краской под лаком» – были расположены по обеим сторонам комнаты, вдоль стен. К изголовью каждой кровати был «приделан железный прут, в виде стрелы, и на нем посредине овальная железная дощечка, на которой по-русски и по-киргизски написаны, по черному полю, четким и изящным шрифтом, имена и фамилии питомцев» [20, с. 1]. Прут оканчивался вешалкой конической формы, на которую следовало помещать парадную тюбетейку воспитанника. В ногах кровати находился деревянный лакированный табурет.

Тюфяк на кровати был набит конским волосом и покрыт тиком – плотной хлопчатобумажной тканью с широкими продольными цветными полосами. На тюфяке размещалась довольно тонкая простыня, поверх которой укладывалось одеяло из верблюжьего сукна с холщовым пододеяльником. По праздникам на тюфяк накидывалось белое фланелевое одеяло без пододеяльника. В изголовье располагалась подушка с двумя наволочками, и все это было прикрыто от пыли чехлом из полосатого тика [20, с. 1–2].

Распорядок дня воспитанников был аналогичен регламенту в большинстве закрытых учебных заведений. По словам Чернышева, «воспитанники вставали «в семь часов утра;

в восемь завтракают; от девяти до одиннадцати учатся в классах; в двенадцать часов обедают; после обеда опять в классах от двух до четырех часов; ужинают в восемь; ложатся спать в девять часов вечера» [21, с. 4].

На завтрак питомцам давали «шир-чай, или, так называемый, калмыцкий чай (кирпичный чай, сваренный с молоком, коровьим маслом и частичкою соли) ...» [21, с. 4]. Обед составлялся с уважением «к прежним привычкам питомцев» и мог состоять из лапши с «крутом» [куртом, курутом – сушеным творогом – Е. Б.], бешбармака, жаркого из баранины с картофелем, супа из «полбенной крупы» с бараниной и крутом, просяной каши, плова с бараниной [21, с. 4]. Калорийность такого обеда даже на первый взгляд представляется весьма высокой. Непременное наличие мяса, лапши, картофеля и круп вполне обеспечивало потребность растущего организма в жирах, белках и углеводах. Отсутствие информации о наличии в рационе каких-либо овощей или фруктов, скорее всего, было связано с общей неразвитостью огородничества и садоводства в регионе.

«Азиатские» обычаи постепенно вытеснялись из школы. Примерно за полтора года до первого выпуска учеников из школы надзирателем был назначен Дыньков. При нем порядки в школе стали более свободными и направленными на приобщение воспитанников к российским традициям. «Ученики ходили с бритыми головами: Дыньков находил, что для некоторых неудобно и вредно брить голову ... и он отдал на волю учеников, кто хочет пусть бреется, а кто не хочет может отпустить волосы – все ученики отпустили волосы. В передней школы стоял огромный таз с кумганами для омовения: Дыньков заметил, что это нечистоплотно и может не понравиться начальству. Он велел вынести таз с кумганами в баню, находя ее более приличным местом для омовений – сразу прекратились омовения. Настала ураза. Дыньков находил и еду по ночам неудобным для казенного заведения, рискованным для здоровья воспитанников ... Он приказал кушать в обычное время, а если кто из воспитанников пожелает поститься, для того к ночи оставлять кушанье – ураза прекратилась» [19, с. 44].

Как замечал А. Ф. Чернышев, «степная жизнь постоянно тянет Киргиза на воздух» [21, с. 4]. Поэтому воспитанники часто собирались во дворе или под надзором дежурного унтер-офицера

ходили на прогулку – зимой в пределах города, а летом за город или в Зауральную рощу. Весной, с установлением теплой погоды, воспитанников вывозили на неделю или дней на десять в поле, на «кочевку». Там «раскидывают, нарочно, для кочевки заготовленные киргизские кибитки, что видимо радует детей; на забаву и в удовольствие им две, три кибитки стоят и во дворе школы до глубокой осени» [21, с. 4].

В самом помещении школы, рядом с умывальной комнатой был устроен «станок для гимнастических упражнений воспитанников в зимнюю пору, окрашенный под дуб, и покрытый лаком» [20, с. 1]. Во дворе были «врыты окрашенные в зеленую краску козлы, с принадлежностями, для гимнастических упражнений воспитанников в летнюю пору» [20, с. 2].

В целом, судя по имеющимся сведениям, санитарно-гигиенические условия повседневной жизни воспитанников школы для киргиз-кайсацких детей были не просто приемлемыми, а даже отличными. Комфортные условия жизни, забота о чистоте, полноценное питание и соблюдение предписаний о физической активности и пребывании на свежем воздухе обеспечивали учащимся здоровое бытование.

Об условиях жизни пансионеров Оренбургской мужской гимназии мы узнаем из сочинения Н. А. Крашенинникова «Восемь лет. Воспоминания о гимназии» (1907). В 1888–1897 годах будущий писатель, которого тогда звали просто Коля Камбулин (Крашенинниковым он станет только в 1900 г.), учился в оренбургской гимназии. Детские впечатления раннего и эмоционального мальчика, сохранили достаточно деталей повседневной жизни учащихся.

Мужская гимназия, открытая в 1868 г., на протяжении второй половины XIX – начала XX в. была ведущим гражданским средним учебным заведением в Оренбурге и Оренбургской губернии. В гимназию принимали мальчиков не младше восьмилетнего возраста. Обучение продолжалось в течение восьми лет. Число учащихся составляло около 300 чел. [22, с. 25]. Средства на содержание гимназии составляли поступления из государственного бюджета, плата за обучение и проценты – с пожертвованных капиталов [18, с. 97].

Пансион, расположенный в двух шагах от здания самой гимназии, был открыт в 1877 г. В пансионе проживали гим-

назисты, родители или родственники которых постоянно находились не в Оренбурге. На 1 января 1891 г. насчитывалось 96 пансионеров. Плата за содержание в пансионе взималась в размере 250 р. в год [18, с. 97].

К моменту поступления в гимназию Крашенинникова здание пансиона было относительно новым. Во дворе пансиона располагались больница, конюшня, баня и сараи. Там же находились «сад», где были высажены акации, несколько лип и разбит цветник; и «двор» – немощенное место, предназначавшееся для игр «в лошадки», лапту, «чижика» и пр. «Младшие играли там в мяч, дрались и кричали; старшие же уныло прогуливались под липками или балакали с фельдшером ...» [23, с. 75].

Условия жизни пансионеров, судя по содержанию повести, воспринимались Николаем как весьма суровые. Однако, возможно, они просто сильно отличались от домашней обстановки, к которой привык мальчик.

Спальня представляла собой «большую комнату, где в два ряда стояли кровати. Одеяла на них были серые, шерстяные, подле каждой стояли желтые табуретки» [23, с. 17]. Не сообщая подробностей об оснащении постелей, автор подчеркивал, что организация сна могла служить мерой наказания воспитанников. «Я посмотрел на его кровать. Матраца на ней не было, лежала, сморщившись, одна простыня. Я с ужасом догадался. Это был наказанный. За какую-то провинность у него сняли с постели матрац. Так, на голых досках, он должен был провести ночь. Я видел, как он все двигался на досках и поправлял свою простыню. Время от времени он снова поднимался и все старался улечься на свернутой в несколько раз половине одеяла. Другим концом он пытался прикрыться. Одеяло поминутно сползало, гимназистик ворочался, тихо плакал, и доски под ним скрипели и двигались» [23, с. 17–18].

Общее представление о том, как было устроено детское спальное место, можно получить из работы одного из наиболее авторитетных оренбургских педагогов – А. И. Тарнавского, служившего вначале инспектором Оренбургской киргизской учительской школы, а затем – директором народных училищ Оренбургской губернии. В учебнике, предназначенном для научения детей-инородцев русскому языку, Тарнавский писал: «Постель стелют на кровати. Постель состоит из многих ве-

щей: перины, либо тюфяка, либо матраца, простыни, подушки в наволоке и одеяла. Периной называют большой и длинный мешок с гусиным пером и пухом в середине. Тюфяк и матрац так же, как и перина, состоит из мешка с шерстью, либо мочалом в середине. Шерсть и мочало простегиваются стежкой из ниток. Простыня шьется из холста, полотна. Подушка состоит из мешка с пером, либо пухом в середине. Сверху подушки надевается наволочка. Одеяло состоит из какой-нибудь материи, ваты, или хлопчатника, и подкладки снизу. Одеяло, как и тюфяк, простегивается нитками. Летнее одеяло – без подкладки, а зимнее – с подкладкой» [24, с. 39].

Поднимались гимназисты в шесть утра. По словам В. А. Веренко, обычно «в российских школах занятия начинались в 9, реже в 8 часов утра. Гигиенисты предлагали поднимать ребенка за 1–2 ч до начала занятий, в зависимости от того, сколько времени требовалось на дорогу до школы» [25, с. 84]. Таким образом, как правило, школьников будили по утрам часов в семь. А вот шестичасовой подъем мог считаться довольно ранним.

Утренние гигиенические процедуры проходили в «умывалке» – темной и холодной (стандартная температура воздуха редко поднималась выше 14 градусов) комнате, посредине которой располагался «огромный, из красной меди умывальный чан. Дно его усеяно рядом медных стержней. Человек двенадцать может умываться одновременно...» [23, с. 19].

Уже на стадии утреннего умывания многие пансионеры, особенно младшие, должны были испытывать дискомфорт: «От падающих умывальных стержней, от выскальзывающих из рук сапожных щеток и перебранивающихся голосов в умывалке шумно как в кузнице. Воспитанники длинными рядами стоят за каждым умывающимся, в ожидании очереди. И сколько здесь происков, протекции, недовольных лиц, сколько зависти! Иные спешат попасть под крыло известного в пансионе силача. Из расположения к своему клиенту или из каких-либо корыстных видов силач бесцеремонно отталкивает законно занявшего место кандидата и ставит на его место своего протеже» [23, с. 22]. Пинки, подзатыльники, плач были ежедневными спутниками утренних гигиенических процедур.

Баня, устраиваемая для пансионеров дважды в месяц, вносила некоторое «оживление» в повседневное однообразие. Тогда же

менялось и белье. При этом «вместо носок ученикам давались “портянки”, т.-е. грубые тряпки-онучи. Непривыкшие к этим портянкам малыши подчас бились подолгу, прежде чем отправить обмотанную тряпкою ногу в казенный сапог» [23, с. 75].

Взяв «с боем» у каптенармуса микроскопический кусочек мыла, воспитанники торопливо неслись в баню. Поспешать следовало, прежде всего потому, что баня была крайне тесной, и опоздавшим приходилось испытывать массу неудобств. Предбанник – «полутемная комната аршин в семь длину» – оказывался полностью забитым пятнадцатью-двадцатью гимназистами. «Одни стояли на полу и тут же раздевались; другие теснились, раздеваясь, по лавкам. Буквально некуда, бывало, просунуть руку. Пальто каждого гимназиста служило ему в то же время своеобразным чемоданом; в нем укладывались: шапка, калоши, башлык, верхнее платье, пояс, сапоги и вся смена чистого белья. Все это кое-как свертывалось в трубку, завязывалось рукавами пальто и ожидало прибытия омовенного хозяина. Где раздевались, тут же, конечно, и одевались вымывшиеся; случалось, что в это время являлась новая партия жаждущих бани; морозная струя воздуха охватывала зимой выбравшихся с раскаленного полка ... Как только мы жили! Как не умирали, – достойно примечания» [23, с. 75–76].

В самой парной несколько десятков гимназистов «сидели на полу, иные кричали от духоты на полке, немногие счастливыцы попали на скамьи... Одни, конечно, дрались, другие плакали из-за потерянного куса мыла, третьи хлестали друг друга вениками ...» [23, с. 76]. Впечатления от таких банных дней, вероятно, сохранялись надолго.

Об организации питания в пансионе Крашенинников сообщал немного. Так, по его словам, ужин начинался с молитвы, после которой «служители подали на длинных блюдах дымившуюся гречневую кашу и топленое масло в соусниках. [...] Все знали, что у воспитателей “в ногах ртуть”, и торопливо глотали горячую кашу: как только воспитатель встанет, доедать кушанье было нельзя» [23, с. 11–12]. Такой порядок употребления пищи, очевидно, сказывался на здоровье пансионеров самым негативным образом.

Лишение еды, как и ухудшение качества сна, часто использовались гимназическими воспитателями в качестве меры наказа-

ния. Остаться без обеда или без ужина можно было за малейшие нарушения школьной дисциплины. По словам Крашенинникова, классный наставник мог просто увидеть «что-то не такое, каким оно следовало быть», и тотчас «сказать привычное “без обеда”» [23, с. 31]. При этом сам наставник мог тут же забыть об инциденте, а гимназист вынужден был сидеть голодным.

Вообще еда, как это ни печально, довольно часто выступала в качестве меры наказания в закрытых учебных заведениях. Так, например, в «Школе Левицкой» – частном пансионе, расположенном в Царском Селе, если «кто-либо не доел чего-либо за завтраком, обедом ли, ужином, на следующее, хронологически, принятие пищи, ему подают то же самое, пока он этого не съест» [11, с. 37]. В то же время, по мнению видного российского педагога В. И. Фармаковского, лишение обеда следовало отнести к «нетерпимым» наказаниям, наряду с пощечинами, тасканием за уши, битьем линейкой по рукам и пальцам и оставлением ученика в классе после уроков [26, с. 237–238]. Лишение обеда и даже отдаление его времени признавалось «крайне непедagogической мерой», поскольку «под влиянием голода дети решаются на эксцентричные и вредные выходки» [26, с. 238].

Зимой, в самые морозные дни уроки в гимназии отменялись, и гимназисты устраивали для себя праздник: служителей посылали «за чаем, за булками, за сахаром и колбасой» [23, с. 50]. «Чайное пиршество» продолжалось до самого завтрака. «В большие груды свалены плюшки, французские булки, пончики и сахарные кренделя. Тарелок и салфеток не дается, булки лежат прямо на столах. Подле помещаются и клочки оберточной бумаги: это и есть импровизированные салфетки для ртов и рук. За завтраком к казенному не прикасаются ... После завтрака опять пьют чай и в три часа также не обедают ... хоть один-то день на своем, без казенного...» [23, с. 51]. По этой цитате можно определить, чего же не хватало пансионерам в их обыденной пище. Очевидно, это было «вкусненькое» и максимально похожее на домашнюю пищу, главным образом выпечка.

Для того чтобы гимназисты хотя бы иногда могли подышать свежим воздухом, устраивался променад. Прогуливались, как правило, по той же улице Николаевской, на которой располагался пансион. Однако время от времени гимназистов отправляли на «Екатерининское поле» – так в повести было названо Марсово

поле Оренбурга – участок, расположенный неподалеку от Урала, на самой окраине города. После грандиозного пожара 1879 г., уничтожившего большую часть городских построек, усилиями городских властей эта территория должна была постепенно превратиться в детский парк. Площадь примерно в 10 гектаров предназначалась для подвижных игр – здесь должны были появиться площадки для гимнастики, футбола, танцев, даже каток. Однако в школьные годы Крашенинникова Марсово поле выглядело довольно уныло: «Неизвестно, в каких видах купило начальство в конце города кусок земли и наставило там шестов для гимнастики» [23, с. 45]. Гулять там было скучно и неинтересно.

В стенах самой гимназии организовывались занятия гимнастикой. Как отмечала в одной из своих работ В. А. Веретенко, «введение обязательного физического воспитания в мужской школе в 1888–1889 гг. должно было улучшить преподавание данной дисциплины, однако ситуация только обострилась. На некоторое время содержание физического образования в государственных школах стало носить ярко выраженный военный уклон» [25, с. 91].

Это обстоятельство было также зафиксировано Крашенинниковым в его воспоминаниях: «Характерной особенностью тех годов, в которые я "воспитывался" в гимназии, был памятный всем пиетет милитаризма. Отголоском его в нашей "гражданской классической" гимназии явилось необыкновенное пристрастие к гимнастике. И не к обычной гимнастике, а к специально военной, к фронтовому учению. Мало того, что учению этому зачастую посвящались целые "классы" – заботливое начальство назначало маршировки даже в самые неурочные минуты: во время, например "большой перемены"» [23, с. 83]. Под звуки барабана «размеренными шагами, от которых содрогались пол и гимназические стены, проходили все воспитанники, от мала до велика, перед восхищенными глазами учебного начальства» [23, с. 84].

Ежегодно первого мая вся гимназия отправлялась на весеннюю прогулку. На свежем воздухе предполагалось нечто вроде пикника, который Крашенинниковым описывался следующим образом: «Пансионские служители раздают гимназистам из громадных корзин по половине французской булки. В один миг около корзины – несметная толпа, крики, шум, давка.

Трещат под напором гимназистов корзины; вот служители опрокинуты. Идет расхищение казенного добра. Более сильные захватывают по две и по три порции, запихивая булки за пазухи. Увещевания классного наставника недействительны: тщетно записывает он ослушников в памятную книжку. В стороне на деревянных столах расставлены пансионские кружки. Один из служителей засыпает в каждую порцию песочного сахара, другой цедит из громадного чайника чай, третий доликает кипятком. Кружки расхватываются с бою» [23, с. 86]. Во время обеда гимназистам предлагалось по котлете или по куску жареного мяса [23, с. 87].

Гимназисты среднего и старшего звена, зная, что рацион на прогулке будет весьма скудным, заранее запасались деньгами и обращались к услугам торговцев, сопровождавших шествие: «...Покупается сыр, колбаса, хлеб, лакомства; здесь же, в сторонке, предлагаются лимонады и квас... Отойти немного подальше, к леску, – пиво; несколько шагов к речке, – водка» [23, с. 87].

Одна из таких прогулок попала на страницы оренбургской прессы. В апреле 1892 г. учащиеся Оренбургской мужской гимназии под звуки собственного духового оркестра и оркестра казаков отправились на Маячную гору, расположенную в четырех верстах от города (чуть больше 4-х км). «На горе заблаговременно приготовлен был чай и завтрак для детей, которые прекрасный весь чудесный весенний день в играх и беготне на вольном воздухе» [27]. Как же по-разному все-таки одно и то же событие виделось журналистам и непосредственным участникам!

В целом следует признать, что жизнь пансионеров Оренбургской мужской гимназии была в санитарно-гигиеническом плане обеспечена всеми необходимыми ресурсами. Однако организация использования этих ресурсов оставляла желать лучшего. Недостаточное число воспитателей и вспомогательного персонала, следящих за порядком и дисциплиной, становилось причиной своеобразной самоорганизации воспитанников, в которой основным правилом было право сильного. Нивелировать это обстоятельство руководство и педагогический состав гимназии пытались через ужесточение дисциплины.

Неплюевский кадетский корпус в своей истории пережил несколько этапов, пройдя стадии военного училища, военной гимназии и, наконец, кадетского корпуса (с 1882 г.). Владимир

Максимович Догадин – военный инженер, оставил воспоминания о времени своего обучения в этом учебном заведении, которое пришлось на 90-е гг. XIX в. Ансамбль корпуса (совр. Парковый проспект, 7) возводился в течение первой половины 1870-х гг. В кадетский корпус принимали мальчиков 10–12 лет. Обучение длилось в течение шести лет. Всего в Неплюевском кадетском корпусе обучалось около 300 воспитанников [22, с. 25].

Распорядок дня кадет весьма напоминал армейские порядки. Всеволод Тихонович Логашкин, один из кадетов Неплюевского кадетского корпуса, чьи воспоминания «Моя жизнь» неоднократно цитируют в своей книге В. Г. и В. П. Семеновы, писал, что даже спать кадеты должны были обязательно на правом боку. «Если дядька видел, что ты лежишь не по уставу, он подходил к тебе и немедленно велел переворачиваться на правый бок. А если кто и заснул, то он переворачивал спящего...» [28, с. 48].

Согласно «Инструкции по воспитательной части для кадетских корпусов»¹, в дортуарах должны были находиться железные кровати, длина которых должна была соответствовать росту кадеты. Кровати следовало расставлять изголовьями к внутренним стенам или в середину спальной комнаты, не приближая их к печам, дверям и окнам; на каждой кровати непременно обозначалась фамилия кадеты и присвоенный ему номер.

В ногах кроватей ставились табуреты, на которые воспитанники должны были в определенном порядке и по определенной форме укладывать все снимаемое на ночь белье и одежду. Спать кадеты должны были в одних нижних рубашках, под байковыми одеялами, с подшитыми простынями, но не закутывая головы и не закрывая рук, а в жаркое время – покрываться одними простынями.

Рядом с дортуарами должны были располагаться умывальня (по одному крану на шесть кадет), уборная для чистки платья и обуви (пространством в 12–15 кв. саж.) и клозеты (по одному очку на 25 и по одному писсуару на 15 кадет). Рекомендуемая температура воздуха в спальнях комнатах должна была составлять 11–13 градусов по Реомюру (14–16 градусов по Цельсию). «Инструкция» также рекомендовала ежедневные обтирания прохладной водой, а также посещение бани не реже двух раз в месяц.

¹ Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. 133 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/instr-2.htm> (дата обращения: 22.05.2025).

Как отмечал В. М. Догадин, нательное белье менялось дважды в неделю – в среду и в субботу, а постельное – каждую субботу [29, с. 76].

Утром воспитанников поднимали в 6 часов утра громким барабанным боем. Подобный способ побудки, несомненно, был стрессом для подростков. «Кадеты обязаны были тщательно застилать свои постели, затем спешили в чистилку приводить в порядок сапоги, пуговицы на бушлатах, платье, чистили зубы и умывались. Для поддержания себя в аккуратном виде повсюду в помещении были расположены трюмо, и воспитатели понуждали нас чаще поглядывать на себя в зеркало» [30, с. 69].

После утренней молитвы следовал первый завтрак, состоящий «только из кружки чая с тремя кусками сахара и половины французской булки» [30, с. 69]. После завтрака при любой погоде всех выгоняли на 15 минут на воздух, причем при температуре воздуха до 5 градусов мороза кадеты обязаны были гулять без шинелей. В 11 утра, после трех часов занятий, следовал второй завтрак, во время которого подавали мясное блюдо и какую-нибудь запеканку или форшмак и кружку чая [30, с. 69].

Обед, начинавшийся в три часа дня, «состоял из трех блюд, причем два раза в неделю на третье блюдо давалась каша: пшенная или гречневая, а в остальные дни кисель, компот, пирожки и пр.» [30, с. 69]. Перед сном, в 8 часов вечера все направлялись в столовую «к вечернему чаю», к которому полагался только 200-граммовый кусок серого хлеба. «Вот и все обычное питание, – писал Догадин. – Молоко получали только раз в неделю по воскресеньям – четверть кружки к вечернему чаю. Яйца давали только раз в год – на пасху, а масло только по «царским дням» к кофе за завтраком» [30, с. 69].

При этом с 1886 г. питание кадет уже регламентировалось все той же «Инструкцией по воспитательной части для кадетских корпусов». Как отмечали в своем труде В. Г. и В. П. Семеновы, согласно этой инструкции, «каждое учебное заведение обязано было учитывать "питательность и удобоваримость пищи, которая должна быть всегда достаточна для насыщения организма соответственно возрасту"» [28, с. 47]. Ежедневный кадетский рацион должны были составлять завтрак, ужин и обед из трех блюд: «1) мясной суп, уха, щи или борщ, ботвинья (летом); 2) мясо в различных видах, преимущественно жареное, или

рыба, и 3) пироги, соусы из разных овощей, каша, компот, кисель, мучные кушанья и сладкие печенья». На завтрак должно было подаваться «мясное блюдо, с разными приправами, иногда же чай или молоко и булка или хлеб с маслом и сыром; кроме того, по утрам кадеты получают чай с булкой, а по вечерам – чай и булку с маслом»¹. Судя по всему, воспоминания Догарина дают основание констатировать явное несоответствие питания оренбургских кадетов установленным нормативам. Воспитанников очевидно недокармливали, что негативно сказывалось на их общем состоянии.

В Неплюевском кадетском корпусе, как и в мужской гимназии, практиковалось использование еды в качестве наказания. Нарушителей дисциплины могли оставлять без третьего блюда или на одном супе [29, с. 76–77]. В то же время каждое воскресенье кадеты могли покупать себе лакомства на 20 к., из денег, которые присылали родители. Среди наиболее популярных покупок были «урюк, сушки, китайские орехи (арахис), шоколадные шары с сюрпризом» [2, с. 77] – нехитрые и не слишком вредные сласти.

Помимо небольшой утренней прогулки, ежедневной была часовая прогулка кадет по плацу или «на панели» (на пространстве перед главным фасадом корпуса) после обеда. «Зимой прогулки производились на тротуарах (панелях) по лицевой стороне здания. Кроме того, на плацу устраивались каток и высокие ледяные горки для катания на салазках» [30, с. 6]. В самом училище имелся большой гимнастический зал.

С 1890 г. все военно-учебные заведения стали руководствоваться программой, которая называлась «Общая программа, распределение времени и наставление для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах». Один из пунктов документа гласил: «Воспитание кадета в духе военных требований не должно вести к появлению в нем резкости или грубости внешних форм... По значению своему для физического образования строевое обучение стоит очень близко к фехтованию и танцеванию. Не менее близко стоит оно и к гимнастике, содействуя выработке ловкости, подвижности и выносливости, развивая телесную и нравственную бодрость»². Удивительно, что в военных учебных

¹ Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. 133 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/instr-2.htm> (дата обращения: 22.05.2025).

² Общая программа, распределение времени и наставление для ведения внеклассных занятий в кадетских корпусах. СПб.: б. и., 1890. С. 13–14.

заведениях строевое обучение пытались приблизить по форме и содержанию к гимнастике, в то время как в гражданских – напротив, заменяли гимнастику строевой подготовкой.

Воспитанники старших классов проводили лето в загородном лагере, где «проходили курс обучения, обязательный для каждого солдата». Полевой лагерь корпуса располагался на горе Маяк, недалеко от реки Сакмары. Во время непременных ежедневных купаний кадеты учились плавать. Как отмечали в своей работе Семеновы, многие кадеты «способны были переплыть реку Сакмару, течение которой быстрое. А ширина около семидесяти пяти метров» [28, с. 52].

В целом можно говорить о том, что жизнь воспитанников Неплюевского кадетского корпуса в санитарно-гигиеническом плане подчинялась идеям порядка, самодисциплины и достаточности. Условия повседневности формировали такие качества, как выдержка, самоограничение, выносливость. При этом санитарные нормы соблюдались в Неплюевском кадетском корпусе строже, нежели в гражданских учебных заведениях, что было обусловлено как нормативными документами, регламентирующими повседневность воспитанников, так и задачами обучения и воспитания.

Обсуждение и выводы

В итоге следует признать, что санитарно-гигиенические условия повседневности в закрытых учебных заведениях для юношей в Оренбурге во второй половине XIX столетия были достаточно комфортными. Дети не испытывали хронического чувства голода, содержались в чистоте, их регулярно выводили на прогулки, занимались с ними физическими упражнениями. Для сна в каждом из учебных заведений имелись специальные помещения, оборудованные всем необходимым. Соблюдалась личная гигиена юношей. Для большинства горожан подобные условия жизни могли бы оцениваться как наилучшие. Тем не менее, с позиций самих воспитанников, имеющиеся условия не вполне соответствовали их потребностям и запросам. Исключение составляли обучающиеся школы для киргиз-кайсацких детей, воспринимающие условия своей школьной повседневности как максимально комфортные. Основными причинами такого диссонанса, на наш взгляд, могли служить коллективный

быт, не обеспеченный должным контролем со стороны взрослых (в Оренбургской мужской гимназии), или «спартанский» характер повседневности в военном учебном заведении (Неплюевский кадетский корпус), значительно отличающие бытование воспитанников от привычной домашней обстановки.

Список литературы

1. Веременко В. А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 7–2. С. 18–30. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi48. EDN: UWMZGE.
2. Заволжская Ю. И. Школьная гигиена: (Сост. по руководству гигиены Weyl'a (L. Burgerstein и Netolitzky), Axell Key'ю, проф. Ф. Ф. Эрисману и др. авт.). СПб.: Издание журнала «Современная Медицина и Гигиена», 1898. 178 с.
3. Караваева Е. В. Формирование санитарной культуры учащихся духовного ведомства в конце XIX – начале XX вв. (на примере Томского епархиального женского училища) // Сибирский медицинский журнал (г. Томск). 2008. Т. 23. № 3–2. С. 118–125. EDN: KZLETZ
4. Хохлов А. А. Санитарно-гигиеническая обстановка в учебном заведении и ее влияние на студенческие протесты конца XIX – начала XX веков (на примере Казанской духовной семинарии) // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95. № 1. С. 121–123. EDN: RVBMAD
5. Сулимов В. С. Санитарно-гигиеническое состояние женских учебных заведений Западной Сибири в начале XX в. // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 36–45. EDN: SXFCTH
6. Валитов А. А., Томилов И. С., Федотова Д. Ю. Санитария и школьная гигиена в учебных заведениях Тобольской губернии в конце XIX в // Гигиена и санитария. 2016. № 3. С. 273–280. EDN: VTNPGF
7. Гаращенко Л. В. Опыт организации здоровьесбережения детей в частных школах Иркутска (середина XIX – начало XX вв.) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 68–72.
8. Пономарева В. В. Роль закрытых женских институтов Мариинского ведомства в установлении новых норм повседневной гигиены (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2013. № 2. С. 124–13. EDN: QZDRNB
9. Веременко В. А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 8 (61). С. 33–36. EDN: TOMYYL
10. Пономарева В. В. Медико-социальные условия повседневной жизни закрытых институтов Мариинского ведомства (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2014. № 1. С. 17–29. EDN: RXDJUH
11. Веременко В. А. Пансионы в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. С. 33–39. EDN: VJIDYT
12. Пономарева В. В. Физическое воспитание в закрытых женских институтах ведомства учреждений императрицы Марии // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2015. № 1. С. 86–93. EDN: TMEWVL
13. Пономарева В. В. Как в «институтах благородных девиц» решали проблему «пищевого довольствия» (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2016. № 3. С. 125–134. EDN: WYBUJD
14. Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии (середина XVIII – начало XX вв.): сборник документов и материалов. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2023. 448 с. EDN: GVP1OF
15. Бурлуцкая Е. В. Воспитание через «равновесие духа и тела». Физическое развитие детей в пореформенном Оренбурге сквозь призму региональной прессы на рубеже XIX–

XX вв. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 628–639. DOI: 10.28995/2073-0101-2023-2-628-639. EDN: FNCCRC

16. Бурлуцкая Е. В. Учебные прогулки и экскурсии как элемент детской повседневности в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв. // История повседневности. 2024. № 1 (29). С. 10–25. DOI: 10.35231/25422375_2024_1_10. EDN: DGBBMB.

17. Бурлуцкая Е. В. Дети Оренбурга в условиях эпидемии дифтерита конца XIX века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 3 (47). С. 128–142. DOI: 10.32516/2303-9922.2023.47.8. EDN: PMVTUC.

18. Белавин К. Оренбург. Географическо-статистический очерк. Оренбург: Типо-литография И. И. Ефимовского-Мировицкого, 1891. 128 с.

19. Васильев А. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург: Тургайский обл. стат. комитет, 1896. 226 с.

20. Чернышев А. Ф. Школа для киргизских детей в Оренбурге // Русский художественный листок. 1853. № 17. С. 1–3.

21. Чернышев А. Ф. Школа для киргизских детей в Оренбурге // Русский художественный листок. 1853. № 19. С. 3–4.

22. Болодурин В. С. История образования в Оренбуржье. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2000. 228 с.

23. Крашенинников Н. А. Восемь лет. Воспоминания о гимназии. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907. С. 17.

24. Тарнавский А. И. По предметам и по картинкам: первые уроки наглядного обучения инородцев русскому языку. СПб.: П. В. Луковников, 1902. 120 с.

25. Веременко В. А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. 2017. № 2 (4). С. 79–106. EDN: ZRWGNV.

26. Фармаковский В. И. Охрана здоровья учащихся: Свод практических сведений, относящихся к сбережению здоровья детей, посещающих школу. 10-е изд. Одесса: Е. П. Распопов, 1914. 294 с.

27. Хроника. Военная прогулка гимназистов // Оренбургский листок. 1892. № 19. С. 3.

28. Семенов В. Г., Семенова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах. Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г. П. Донковцева, 2017. 592 с. EDN: ZDIZRV.

29. Догадин В. М. Кадетские годы // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 73–77.

30. Догадин В. М. Кадетские годы // Военно-исторический журнал. 2004. № 9. С. 67–69.

Sanitary and Hygienic Conditions of Daily Life of Pupils of Closed Male Educational Institutions of Orenburg in the Second Half of the 19th Century (Body Hygiene, Nutrition, Physical Activity)

Elena V. Burlutskaya

The article provides a comparative analysis of the solution of hygiene issues in closed male educational institutions of Orenburg in the second half of the 19th century. The sanitary and hygienic conditions of life of the pupils of the School for Kyrgyz-Kaisak Children, the boarding school of the Orenburg Male Gymnasium and the Neplyuevsky Cadet Corps are studied. Such aspects as ensuring the personal hygiene of the pupils, their nutrition and physical activity are compared. The research is based on published personal sources – notes, memoirs and recollections. An analysis of historical sources has made it possible to conclude that the sanitary and hygienic conditions in the closed male educational institutions of Orenburg were tightly linked to the legal framework and the level of funding for these institutions. Additionally, the prevailing social perceptions of hygiene had a significant impact. The existing sanitary and hygienic living conditions

of the pupils were quite sufficient for Orenburg in the second half of the 19th century. But, in the opinion of the young men, these conditions did not always meet their needs and demands. The main reasons for such perception could be collective life without proper supervision by adults, or the "Spartan" nature of everyday life in a military educational institution.

Key words: children's daily life, school hygiene, daily hygiene, closed men's educational institutions, Orenburg, second half of the 19th century.

For citation: Burlutskaya, E. V. (2025) Sanitarno-gigiyenicheskiye usloviya povsednevnosti vospitannikov zakrytykh muzhskikh uchebnykh zavedeniy Orenburga vtoroy poloviny XIX v. (gigiyena tela, pitaniye, fizicheskaya aktivnost') [Sanitary and Hygienic Conditions of Daily Life of Pupils of Closed Male Educational Institutions of Orenburg in the Second Half of the 19th Century (Body Hygiene, Nutrition, Physical Activity)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 192–213. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_4_192. EDN: THBVBH

References

1. Veremenko, V. A. (2022) Tulalet i vanna: gigiyena tela v gorodskikh dvoryansko-intellektualnykh sem'ях Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Toilet and bath: body hygiene in urban noble and intellectual families of Russia in the second half of the 19th – early 20th century]. *Voprosy istorii* [History issues]. No. 7–2. Pp. 18–30. (In Russ.). EDN: UWMZGE
2. Zavolzhskaya, YU. I. (1898) *Shkol'naya gigiyena* [School hygiene]. Saint Petersburg: Izdaniye zhurnala «Sovremennaya Medicina i Gigiyena». (In Russ.)
3. Karavaeva, E. V. (2008) Formirovaniye sanitarnoy kul'tury uchashchihsya duhovnogo vedomstva v konce XIX – nachale XX vv. (na primere Tomskogo eparhial'nogo zhenskogo uchilishcha) [The formation of the sanitary culture of students of the theological department in the late 19th – early 20th centuries (on the example of the Tomsk Diocesan Women's College)]. *Sibirskiy medicinskij zhurnal* (g. Tomsk) [Siberian Medical Journal (Tomsk)]. Vol. 23. No. 3–2. Pp. 118–125. (In Russ.). EDN: KZLETZ
4. Hohlov, A. A. (2014) Sanitarno-gigiyenicheskaya obstanovka v uchebnom zavedenii i ee vliyaniye na studencheskie protesty konca XIX – nachala XX vekov (na primere Kazanskoy duhovnoy seminarii) [The sanitary and hygienic situation in an educational institution and its impact on student protests in the late 19th – early 20th centuries (using the example of the Kazan Theological Seminary)]. *Kazanskij medicinskij zhurnal* [Kazan Medical Journal]. Vol. 95. No. 1. Pp. 121–123. (In Russ.)
5. Sulimov, V. S. (2014) Sanitarno-gigiyenicheskoye sostoyaniye zhenskikh uchebnykh zavedeniy Zapadnoy Sibiri v nachale XX v. [The sanitary and hygienic state of women's educational institutions in Western Siberia in the early 20th century]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3 (72). Pp. 36–45. (In Russ.). EDN: RVBMAD
6. Valitov, A. A., Tomilov, I. S., Fedotova, D. YU. (2016) Sanitariya i shkol'naya gigiyena v uchebnykh zavedeniyakh Tobol'skoy gubernii v konce XIX v. [Sanitation and school hygiene in educational institutions of the Tobolsk province at the end of the 19th century]. *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and sanitation]. No. 3. Pp. 273–280. (In Russ.). EDN: VTNPGF
7. Garashchenko, L. V. (2018) Opyt organizatsii zdorov'esberezheniya detey v chastnykh shkolakh Irkutsk (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The experience of organizing children's health care in private schools in Irkutsk (mid-19th – early 20th centuries)]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [The Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. Vol. 7. No. 2 (23). Pp. 68–72. (In Russ.). EDN: SXFCTH
8. Ponomareva, V. V. (2013) Rol' zakrytykh zhenskikh institutov Mariinskogo vedomstva v ustanovlenii novykh norm povsednevnoy gigiyeny (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The role of the closed women's institutes of the Mariinsky Department in establishing new standards of daily hygiene (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Moscow University Bulletin. Series 23: Anthropology]. No. 2. Pp. 124–133. (In Russ.). EDN: QZDRHB
9. Veremenko, V. A. (2014) Osobennosti shkol'nogo byta dvoryan v gosudarstvennykh zakrytykh uchebnykh zavedeniyakh Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Peculiarities of the nobles' school life in the state closed educational institutions of Russia (second half

of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets State University]. No. 8 (61). Pp. 33–36. (In Russ.). EDN: TOMYYL

10. Ponomareva, V. V. (2014) Mediko-social'nye usloviya povsednevnoj zhizni zakrytykh institutov Mariinskogo vedomstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Medical and social conditions of daily life of the closed institutes of the Mariinsky Department (second half of the 19th – early 20th century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 23: Anthropology]. No. 1. Pp. 17–29. (In Russ.). EDN: RXDJUH

11. Veremenko, V. A. (2015) Pansiony v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Boarding schools in Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. Pp. 33–39. (In Russ.). EDN: VJIDYT

12. Ponomareva, V. V. (2015) Fizicheskoe vospitanie v zakrytykh zhenskikh institutakh vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii [Physical education in closed women's institutes of the Department of the institutions of Empress Maria]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 23: Anthropology]. No. 1. Pp. 86–93. (In Russ.). EDN: TMEWVL

13. Ponomareva, V. V. (2016) Kak v «institutah blagorodnykh devic» reshali problemu «pishchevogo dovol'stviya» (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [How the "institutes of noble maidens" solved the problem of "food supplies" (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 23: Anthropology]. No. 3. Pp. 125–134. (In Russ.). EDN: WYBUJD

14. Veremenko, V. A. (2023) (ed.) *Gigiena detstva v Sankt-Peterburge i Peterburgskoj gubernii (seredina XVIII – nachalo XX vv.): sbornik dokumentov i materialov* [Childhood Hygiene in St. Petersburg and St. Petersburg province (mid-18th – early 20th century): collection of documents and materials]. Saint Petersburg: Propaganda (In Russ.). EDN: GVPIOF

15. Burluckaya, E. V. (2023) Vospitanie cherez «ravновесие duha i tela». Fizicheskoe razvitiye detej v poreformennom Orenburge skvoz' prizmu regional'noj pressy na rubezhe XIX–XX vv. [Education through "balance of mind and body". Physical development of children in post-reform Orenburg through the prism of the regional press at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Vestnik arhivista* [Archivist's Bulletin]. No. 2. Pp. 628–639. (In Russ.). EDN: FNCCRC

16. Burluckaya, E. V. (2024) Uchebnye progulki i ekskursii kak element detskoj povsednevnosti v Orenburge na rubezhe XIX–XX vv. [Educational walks and excursions as an element of children's daily life in Orenburg at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [The history of daily life]. No. 1 (29). Pp. 10–25. (In Russ.). EDN: DGBBMB

17. Burluckaya, E. V. (2023) Deti Orenburga v usloviyah epidemii difterita konca XIX veka [Orenburg children in the context of the diphtheria epidemic of the late 19th century]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal]. No. 3 (47). Pp. 128–142. (In Russ.). EDN: PMVTUC

18. Belavin, K. (1891) *Orenburg. Geograficheskostatisticheskij ocherk* [Orenburg. Geographical and statistical essay]. Orenburg: Tipo-litografiya I. I. Efimovskogo-Mirovickogo. (In Russ.)

19. Vasil'ev, A. (1896) *Istoričeskij ocherk russkogo obrazovaniya v Turgajskoj oblasti i sovremennoe ego sostoyanie* [Historical sketch of Russian education in the Turgai region and its current state]. Orenburg: Turgajskij oblastnoj statisticheskij komitet. (In Russ.)

20. CHernyshev, A. F. (1853) SHkola dlya kirgizskikh detej v Orenburge [School for Kyrgyz children in Orenburg]. *Russkij hudozhestvennyj listok* [Russian Art Leaflet]. No. 17. Pp. 1–3. (In Russ.)

21. CHernyshev, A. F. (1853) SHkola dlya kirgizskikh detej v Orenburge [School for Kyrgyz children in Orenburg]. *Russkij hudozhestvennyj listok* [Russian Art Leaflet]. No. 19. Pp. 3–4. (In Russ.)

22. Bolodurin, V. S. (2000) *Istoriya obrazovaniya v Orenburzhe* [History of education in Orenburg region]. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU. (In Russ.)

23. Krashenninikov, N. A. (1907) *Vosem' let. Vospominaniya o gimnazii* [Eight years. Memories of the gymnasium]. M.: Tipo-litografiya T-va I. N. Kushnerev i K°. (In Russ.)

24. Tarnavskij, A. I. (1902) *Po predmetam i po kartinkam: pervye uroki naglyadnogo obucheniya inorodcev russkomu yazyku* [By subjects and pictures: the first visual teaching lessons for foreigners learning Russian language]. Saint Petersburg: P. V. Lukovnikov. (In Russ.)

25. Veremenko, V. A. (2017) *Gigiena shkol'nika v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Schoolchild hygiene in noble and intelligentsia families of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [The history of daily life]. No. 2 (4). Pp. 79–106. (In Russ.). EDN: ZRWGNV

26. Farmakovskij, V. I. (1914) *Ohrana zdorov'ya uchashchihsya: Svod prakticheskikh svedenij, otnosyashchihsya k sberezheniyu zdorov'ya detej, poseshchayushchih shkolu* [Health protection of students: A set of practical information related to preserving the health of children attending school]. Odessa: E. P. Raspopov. (In Russ.)

27. (1892) *Hronika. Voennaya progulka gimnazistov* [Chronicle. Military walk of school-boys]. *Orenburgskij listok* [Orenburg paper]. No. 19. Pp. 3. (In Russ.)

28. Semenov, V. G., Semenova, V. P. (2017) *Orenburgskij Neplyuevskij kadetskij korpus. Istoriya v lica* [Orenburg Neplyuevsky Cadet Corps. History in faces]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni G. P. Donkovceva. (In Russ.). EDN: ZDIZRV

29. Dogadin, V. M. (2004) *Kadetskie gody* [Cadet years]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. No. 10. Pp. 73–77. (In Russ.)

Об авторе

Бурлуцкая Елена Вадимовна, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0001-2207

About the author

Burlutskaya Elena V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector for Research, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation; e-mail: ida777@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-0001-2207

*Статья поступила в редакцию 27.05.2025
Одобрена после рецензирования 09.07.2025
Принята к публикации 31.07.2025*